Для цитирования: Васильева С. А. Причины современного российско-турецкого конфликта // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 40–46.

УДК 327.5

ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО КОНФЛИКТА

Васильева Светлана Анатольевна,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454000, г. Челябинск,
пр. Победы, д. 162в.
E-mail: evrasia-site@mail.ru

Аннотация
Почти два года прошло со времени начала самого серьезного конфликта между Россией и Турцией в современной истории. За это время стороны смогли договориться и перейти к урегулированию конфликта, который стал объектом исследования. В статье выявляются и характеризуются внешние и внутренние причины, подтолкнувшие Турцию к началу конфликта, от региональных геополитических интересов Анкары и сирийских беженцев до курдской проблемы и перспектив конституциональных изменений. Кроме того, оцениваются цели, поставленные турецким руководством, и степень их реализации.

Ключевые понятия:
российско-турецкие отношения,
российско-турецкий конфликт,
геополитические интересы,
война в Сирии,
сирийские беженцы.

Российско-турецкий конфликт, начавшийся 24 ноября 2015 г. в результате уничтожения турецкими ВВС российского бомбардировщика СУ-24, стал большой неожиданностью для населения двух стран, однако не вызвал значительного удивления у специалистов. В российских СМИ появились многочисленные публикации, авторы которых тщательно подбирали и анализировали всевозможные проблемы в двусторонних отношениях начиная с десяти русско-турецких войн и заканчивая претензиями к качеству турецких продуктов. Безусловно, поводы для недовольства друг другом наши страны имели всегда, даже на последнем этапе развития отношений, когда речь шла уже о многоплановом (а иногда и о стратегическом) партнерстве. Еще до инцидента с самолетом между Россией и Турцией существовал целый ряд политических разногласий: проблема геноцида армян в Османской империи, крымско-татарский вопрос [6, с. 32], а также проблема курдов.

В связи с этим, необходимо более тщательно разобраться с причинами возникшего конфликта и ответить на вопрос: был ли он неизбежен или является лишь результатом несчастливого стечения обстоятельств и ошибок в процессе принятия решений. Кроме того, несмотря на начавшийся процесс нормализации отношений, сам факт возникновения конфликта остается очень показательным и влечет за собой целый ряд последствий для обеих сторон.

Российско-турецкий конфликт освещен во множестве публицистических статей, интервью экспертов, в т. ч. тюркологов, но при этом недостаточно исследован в научной литературе. Этот вопрос затрагивается при рассмотрении современных российско-турецких отношений в целом (И. А. Свистунова, В. А. Надеин-Раевский, С. Маркедонов и др.), а также особенностей внешней и внутренней политики Турции (Д. Б. Малышева, В. А. Аватков и др.). Эмпирический материал, собранный в процессе развития российско-турецкого конфликта, лег в основу исследования политического лидерства [13, с. 13–14]. Пожалуй, наиболее подробно российско-турецкий конфликт рассмотрен в диссертации Д. Г. Бдояна, посвященной современным российско-турецким отношениям, однако даже в ней автор отмечает только ряд внешних причин, объясняющих атаку

Турции на российский самолет, но не рассматривает внутреннюю ситуацию в стране, а также ее экономические интересы.

Причины российско-турецкого конфликта

Первая и, безусловно, одна из главных причин современного российско-турецкого конфликта, – это геополитическое соперничество двух государств. Еще в 1990-х гг. Турция предпринимала значительные усилия по реализации своих пантюркистских программ в Центральной Азии и на Кавказе, а также активно сотрудничала в этом направлении с тюркскими народами России. Деятельность турецкого бизнеса и культурных организаций позволила достичь определенных успехов, но лелеемые пантюркистами идеалы в виде объединения всех тюркских народов и создания Великого Турана оказались по целому ряду причин нереализуемыми. Россия сумела сохранить целостность своего государства, а уже с конца 1990-х гг. начала в значительной степени восстанавливать свое влияние в этом регионе. Хотя Турция и получила в свои ряды государства-союзников (Азербайджан, Грузия, Украина), но степень их поддержки, зачастую, находится в прямой зависимости от степени напряженности их двусторонних отношений с Россией. Очевидными же экономическими дивидендами для Анкары стало присутствие турецких компаний в странах Центральной Азии и Кавказа, а также строительство трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

Не следует недооценивать пантюркистские планы и нынешнего турецкого руководства, уже неоднократно дискредитировавшего провозглашенный принцип реализации внешней политики «ноль проблем с соседями». Один из крупнейших отечественных экспертов в этом вопросе А. А. Сваранц называет среди целей пантюркистов «…распространение турецкого влияния на тюркоязычные регионы (государства и народы); инициацию интеграционных процессов в тюрко-исламском мире и превращение Турции в региональную державу; активизацию разведывательной и иной подрывной деятельности против интересов России; пропаганду идей пантюркизма, разжигание националистических настроений и экспорт идеологии пантюркистского сепаратизма; создание межтюркского политического объединения «Великий Туран» под протекторатом Турции» [11, с. 4–5]. А В. А. Аватков отмечает, что неотъемлемой частью «неосманизма», лежащего в основе турецкой внешнеполитической стратегии является неопантюркизм [1, с. 184]. В. А. Надеин-Раевский подтверждает наличие пантюркистских планов в деятельности нынешних турецких властей, отмечая деятельность пантюркистской молодежной организации «Серые волки» на территории Сирии [9]. Авторский личный опыт общения с представителями «серых волков» подтверждает как наличие далеко идущих планов в отношении России, так и масштаб распространения организации и свободу действий на территории Турции.

Другой зоной геополитических противоречий России и Турции стал Ближний Восток в целом и Сирия в частности. В одном из интервью 2 декабря 2015 г. бывший в то время премьер-министром Турции Ахмет Давутоглу заявил, что причина возникшего конфликта заключается в нежелании России учитывать турецкие интересы в Сирии. Правда, по мнению Давутоглу, эти интересы заключаются в защите собственных границ, необходимости приема беженцев, а также в поддержке туркменов в Баирбуджаке, в районе которого, по словам бывшего турецкого премьер-министра, «нет ни одного члена ДАИШ»[1] («ИГИЛ» – запрещенной в России группировки). Однако интересы Турции в Сирии намного шире названных Давутоглу.

Анкара на протяжении всего периода существования Турецкой Республики имеет и периодически предъявляет территориальные претензии к Сирии, требуя отдать ей те самые населенные туркменами северные районы вокруг города Алеппо. Одним из ярких примеров работы турецкой пропагандистской машины в этом направлении следует назвать публикацию 23 марта 2013 г. в газете «Milliyet» карты будущей Турции, в которую вошли

[1] Davutoğlu'ndan 'Rus uçağı' yorumu: Görevimizi yaptık, yapmasaydık hesap verirdik. URL: http://m.haberturk.com/gundem/haber-amp/1161109-basbakan-davutoglu-haberturk-tvde-sorulari-yanitladi, дата обращения – 25.01.2016. (Давутоглу о проблеме «с российским самолетом»: «Мы сделали то, что должны были, а ответственность несли, если бы не сделали». URL: http://www.haberturk.com (на тур. яз.).

территории Северного Ирака (Мосул), Сирии (Алеппо), Кипр, части Греции и Болгарии, а также Нахичевань и грузинская Аджария[1]. Автор статьи объяснял такие перспективы началом процесса урегулирования конфликта между турецким правительством и Рабочей партией Курдистана, однако, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган еще в 2012 г. с уверенностью заявил, что сирийская война является «внутренним делом Турции».

Таким образом, несмотря на то что Башар Асад является единственным сирийским лидером, при котором впервые за всю историю турецко-сирийских отношений между двумя государствами начали налаживаться дипломатические и политические контакты, дестабилизация ситуации в Сирии с перспективой дальнейших территориальных преобразований (даже по ливийскому сценарию) играет на руку Турции. В связи с этим, вмешательство России в происходящие в регионе процессы и появившиеся вследствие этого перспективы мирного урегулирования конфликта в значительной степени нарушали планы Турции на Ближнем Востоке. Кроме того, нынешние действия Турции в Сирии полностью соответствуют внешнеполитическим принципам, изложенным А. Давутоглу в работе «Стратегическая глубина» еще в 2001 г.: «Турция в этом регионе [Ближний Восток и Месопотамия – *прим. С. В.*] должна вести себя не только как член НАТО, но и как региональный актор, опирающийся на собственную национальную стратегию» [15, с. 398]. Именно такую самостоятельную политику проводит Турция, осуществляя воздушные и наземные военные операции в Сирии и Ираке, даже не смотря на официальное неодобрение со стороны союзников по НАТО.

По мнению ряда исследователей, особое положение в геополитических устремлениях Турции играет курдский вопрос, который является, по их мнению, ключевой причиной турецкого участия в военных действиях в Сирии [5, с. 29]. Одним из последствий урегулирования сирийского конфликта может стать создание курдской автономии на территории Сирии, что в сочетании с уже существующей курдской автономией в Ираке является угрозой национальной безопасности и даже территориальной целостности Турции.

Еще одной причиной уничтожения Турцией российского бомбардировщика является принадлежность Анкары к военной коалиции под руководством США, неожиданно получившей в лице России конкурента, поддерживающего «не ту» сторону. Попытки дискредитации деятельности России в Сирии со стороны западных сил предпринимались с первых дней проведения российской военной операции. Ярким примером тому служит развернутая в западных СМИ информационная война. В этом аспекте, российский самолет, нарушивший турецкое воздушное пространство и вследствие этого сбитый, становится отличным способом демонстрации агрессии России и исходящей от ее действий угрозы. Однако, на наш взгляд, турецкое руководство оказалось не готово к столь бескомпромиссной реакции России, что подтверждается некоторой непоследовательностью в заявлениях турецких лидеров в первые недели после инцидента. Российский тюрколог И. А. Свистунова высказала предположение, что сбитый самолет мог стать результатом не самостоятельных действий Турции, а американской провокации, направленной на разрушение российско-турецких отношений, достигших к 2015 г. высочайшего уровня за всю историю [12]. В. А. Чмырева, наоборот, отмечает, что «не следует утрировать и драматизировать значение американского фактора в динамике российско-турецких отношений и демонизировать роль США в регионе, следуя в русле растиражированных СМИ конфронтационных моделей и концепций» [14, с. 110]. Однако турецкие лидеры в любом случае взяли ответственность за инцидент на себя и даже, впоследствии, извинились за него.

Третьей, безусловно, значимой причиной, подтолкнувшей Турцию к конфликту с Россией, являются экономические интересы. Вопрос о причастности Турции к контрабанде добываемой террористами нефти до сих пор остается открытым. Россия предоставила многочисленные задокументированные доказательства транспортировки сирийской нефти в Турцию. К обвинениям России в адрес Турции присоединился и Ирак, но лишь после ухудшения турецко-иракских отношений в декабре 2015 г. Однако никаких решений на основании предоставленных сведений на уровне

[1] Yunal B. Genişleme veya toplanma? // Milliyet. 23.03.2013. (Юнал Б. Расширение или сплочение? // Milliyet. 23.03.2013. (на тур. яз.)).

международных организаций принято не было. Эрдоган, в свою очередь, подчеркнул наличие «российского следа» в этом вопросе: «Кто покапает нефть у ДАИШ? Я вам скажу. Джордж Хасвани, обладатель российского паспорта и гражданин Сирии является одним из крупнейших деятелей в этом бизнесе»[1].

Другой аспект экономической причины конфликта, требующий внимания, – это использование Турцией фактора сирийских беженцев в переговорах с Европейским Союзом. Турецкое руководство пыталось использовать сирийских беженцев как инструмент давления на Европу с целью получения финансовой поддержки или различных политических или экономических преимуществ. Россия, начавшая военную операцию в Сирии в сентябре 2015 г., серьезно изменила расстановку сил в стране, заставив говорить о перспективах уничтожения террористов, восстановления власти Башара Асада на всей территории страны, а вследствие этого и исчезновении проблемы беженцев. Отдельным вопросом остается состав и происхождение прибывающих в Европу беженцев. Об этом подробнее пишет ряд исследователей, например О. П. Бибикова [3, с. 19-20],

Начавшиеся в ноябре 2015 г. переговоры между Брюсселем и Анкарой привели к принятию в марте 2016 г. Соглашения о разрешении миграционного кризиса[2], согласно которому Турция должна была получить не только финансовую поддержку от ЕС в размере 3 млрд евро на содержание беженцев на своей территории, но и значительные политические преференции (например, введение безвизового режима). Взамен Турция обязалась перекрывать нелегальные потоки мигрантов в Европу, а также должна была выполнить ряд требований для визовой либерализации. Кроме того, миграционный кризис мог бы способствовать решению кипрского кризиса как фактора, препятствующего вступлению Турции в ЕС [8, с. 91–98].

Как показывает статистика, вступившее с 20 марта 2016 г. в силу Соглашение оказалось достаточно эффективным. Например, согласно Второму докладу о достижениях в реализации европейско-турецкого соглашения от 15 июня 2016 г. количество мигрантов, пересекающих греческую границу, с апреля сократилось с 1740 до 47 человек в сутки, а числа пропавших в Эгейском море снизилось с 89 до 7 человек в месяц[3]. Однако, несмотря на столь позитивную динамику в разрешении европейской миграционной проблемы, обе стороны регулярно высказывают свое недовольство сроками и качеством выполнения прописанных условий. В настоящее время (к середине 2017 г.) Турция получила 2,9 млрд евро из обещанных 3 млрд на 2016–2017 гг. (согласно Шестому докладу о достижениях в реализации европейско-турецкого соглашения[4]), хотя эффективность реализации Соглашения продолжает подвергаться резкой критике с различных сторон.

Таким образом, даже если не брать во внимание вопрос с контрабандной нефтью, потенциальная прибыль (как финансовая, так и политическая), которую Турция могла бы получить за счет миграционной проблемы, очень высока. Разрешение же сирийского конфликта и возвращение беженцев на родину может серьезно пошатнуть позиции Турции в «торговле» с ЕС. В настоящий момент Турция оказалась в сложной ситуации, связанной с беженцами. Разместив в стране свыше 2 млн беженцев, Турция не получило от Европы ничего кроме финансовой поддержки, не покрывающий в полной мере их расходы. А если учесть, что происходит это на фоне начавшегося в стране экономического спада (рост ВВП составил 2,5 % вместо прогнозируемых 4,5 %) и растущей безработицы (достигнет 11 % к 2018 г.) [7, с. 171], то масштаб турецких проблем в этой сфере становится очевиден.

Наконец, еще одна причина, по которой Турции выгоден конфликт с Россией, – это внутриполитические процессы в стране, которые в 2015 г. доставили турецкому руководству множество проблем. Здесь следует сразу оговориться, что в данном контексте для Анкары важен сам факт

[1] Turkey has proof of Russian involvement in Daesh oil, President Erdoğan says // Daily Sabah. URL: https://www.dailysabah.com/politics/2015/12/03/turkey-has-proof-of-russian-involvement-in-daesh-oil-president-erdogan-says (accessed 02.11.2017).

[2] EU-Turkeystatement, 18 March 2016. URL: http://dsms.consilium.europa.eu (дата обращения 23.04.2016).

[3] Second Report on the progress made in the implementation of the EU-Turkey Statement. Brussels, 15.06.2016. URL: http://ec.europa.eu (дата обращения 30.07.2016).

[4] Sixth Report on the progress made in the implementation of the EU-Turkey Statement. Strasbourg, 13.06.2017. URL: http://ec.europa.eu (дата обращения 17.08.2017).

существования внешнего врага, которым могла бы стать не только Россия, но, в совокупности с другими причинами, такой вариант развития событий мог бы стать для Турции самым удобным.

Говоря о внутренних турецких процессах, следует, в первую очередь, остановиться на неудачных для руководства страны парламентских выборах в июне 2015 г., в результате которых правящая пропрезидентская Партия справедливости и развития (ПСР) потеряла абсолютное большинство в Великом национальном собрании и не смогла сформировать коалиционное правительство. Подобный расклад сил совершенно не устраивал ПСР ввиду планируемой Р. Эрдоганом конституционной реформы, направленной на превращение Турции в президентскую республику. Для того чтобы осуществить реформу без проведения референдума, требуется одобрение 330 депутатов меджлиса из 500. Для получившей же лишь 258 мест ПСР это становилось проблематичным. Поэтому, проведя несколько раундов формальных переговоров с тремя другими парламентскими партиями, руководство ПСР в лице премьер-министра А. Давутоглу вернуло президенту мандат на формирование правительства. Эрдоган назначил проведение досрочных парламентских выборов, а оставшееся до них время потратил на увеличение числа сторонников своей партии. Вполне возможно, что появление внешней угрозы на фоне существующих внутренних проблем должно было отвлечь внимание населения и продемонстрировать активную деятельность президента по защите интересов государства.

В целом, вторая избирательная кампания оказалась для ПСР намного успешней: партия получила небывалую поддержку электората (почти 50 %) и 317 мест в меджлисе. Однако сразу после выборов 1 ноября на победителей обрушилась огромная волна критики как со стороны проигравших партий, так и зарубежных наблюдателей. Например, в докладе[1] миссии наблюдателей от Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ отмечается высокий уровень насилия по отношению к активистам и рядовым членам партий, особенно входящих в Народную демократическую партию (HDP). Кроме того, комиссией были отмечены аресты активистов и давление на избирателей. В целом, выявлены значительные ограничения таких основополагающих прав и свобод как право избираться и быть избранным и свобода самовыражения. Для этого широко использовалось привлечение к административной и уголовной ответственности за клевету, в том числе за оскорбление президента.

Второй острой внутренней проблемой стала эскалация в 2015 г. давнего курдского конфликта, что привело в значительной степени к падению авторитета властей на фоне многочисленных терактов. Анкара начала широкомасштабную военную операцию против РПК (Рабочая партия Курдистана, признана в Турции террористической организацией), при этом продолжая поддерживать автономные курдские режимы в Ираке и Сирии. Недовольство населения деятельностью властей в этом направлении также вполне успешно можно переложить на внешнего врага, чем турецкое руководство и занималось. Однако последствиями такой внутренней и внешней политики Эрдогана стала попытка военного переворота, осуществленная в июле 2016 г. При этом инициаторов переворота как Анкара, так и независимые исследователи находят в США [4, с. 138–139].

Подводя итог рассмотренным причинам российско-турецкого конфликта, можно назвать 4 основные причины турецкой агрессии: геополитичекую, внешнеполитическую, экономическую и внутриполитическую. Эти причины тесно связаны и дополняют друг друга, создавая широкую основу для российско-турецкого противостояния. Однако, как показала практика, оценка и восприятие этих причин является исключительно субъективным и во многом зависит от текущих политических условий и интересов турецкого руководства. На протяжении 7 месяцев российское руководство требовало от Турции извинений и компенсацию за сбитый самолет, но Эрдоган неизменно заявлял, что турецкие военные действовали абсолютно законно, защищая воздушное пространство своей страны. Однако ряд внутренних и внешних факторов заставили Турцию пересмотреть свою позициюи начать процесс урегулирования российско-

[1] REPUBLIC OF TURKEY EARLY PARLIAMENTARY ELECTIONS 1 November 2015. OSCE/ODIHR Limited Election Observation Mission Final Report. Warsaw 28 January 2016. URL: http://www.osce.org (дата обращения 02.03.2016).

турецкого конфликта. Д. Г. Бдоян называет следующие причины: «внутриполитический кризис, связанный с желанием Р. Т. Эрдогана сконцентрировать в своих руках всю полноту власти, отсутствие продвижений по решению курдского вопроса и неспособность предотвратить многочисленные теракты, ухудшение экономического положения, особенно в условиях санкций со стороны России, проблемы в отношениях со многими странами региона, а также со своими союзниками по НАТО, провал политики по установлению регионального лидерства и проблемы с размещением сирийских беженцев» [2, с. 151].

При этом, несмотря на официально принесенные извинения и начавшееся восстановление российско-турецких связей, этот конфликт имеет ряд последствий для обеих сторон, которые можно объединить по сферам. Среди политических последствий конфликта для Турции (помимо резкого ухудшения отношений с Россией) можно отметить отсутствие одобрения ее действий со стороны целого ряда стран и международных организаций (ЕС, ряд стран СНГ и др.). К экономическим последствиям следует отнести значительной падение товарооборота. Хотя падение товарооборота началось еще до инцидента с самолетом в 2015 г. [10, с. 80], заметное ухудшение ситуации в 2016 г. очевидно. За первое полугодие 2016 г. товарооборот между Россией и Турцией снизился более чем на 40 %[1] (свыше $5 млрд). В результате, докризисный уровень товарооборота между двумя странами не восстановлен до сих пор. Российско-турецкий конфликт стал большим ударом для двусторонних отношений в социальной сфере, в частности, для сотрудничества в сфере образования и науки. Были закрыты различные научно-исследовательские центры, прекращены совместные научно-образовательные программы, а иностранные студенты массово высылались из страны. Кроме того, организованные обеими странами информационные кампании способствовали формированию негативного образа в глазах населения.

Таким образом, возникший российско-турецкий конфликт повлек за собой целый ряд негативных (в первую очередь для Турции) последствий, преодолевать которые страны будут еще не один год.

[1] О состоянии внешней торговли в I полугодии 2016 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/168.htm (дата обращения 27.09.2016).

1. Аватков В. А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 2. С. 180–193.

2. Бдоян Д. Г. Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство (2002–2017 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 215 с.

3. Бибикова О. П. Меркель, Эрдоган и «сирийские беженцы». Предпосылки и последствия сирийского кризиса // Международная аналитика. 2016. № 2. С. 13–26.

4. Васильев М. В. Турецкий гамбит большой геополитики // Научный альманах. 2016. № 7-2. С. 137–141.

5. Грачев С. И., Харламов А. А. Сирия как детерминанта геополитической ориентации и экономических интересов // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 27–30.

6. Евсеев В. В., Харитонова Д. В. Российско-турецкие отношения в рамках сирийского кризиса // Обозреватель – Observer. 2016. № 2. С. 25–40.

7. Малышева Д. Б. Политическая трансформация Турции в контексте референдума 16 апреля // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 2. С. 167–180.

8. Михеева Н. М. Миграционный кризис и новые возможности для Турции // Вестник МГИМО. 2016. № 2. С. 91–100.

9. Надеин-Раевский В. А. Зачем России «дружба» и «братство» с Турцией? // ИА Regnum. URL: https://regnum.ru/news/2074091.html (дата обращения 01.11.2017).

10. Рудых А. С., Гутенева П. А. Экономические последствия конфликта России и Турции // Материалы научной конференции. Курск, 29 апреля 2016 г. Курск : РОСИ, 2016. С. 77–81.

11. Сваранц А. А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М. : Гуманитарий, 2002. 600 с.

12. Свистунова И. А. Россия и Турция: Холодная война 2.0? URL: https://riss.ru/analitycs/23761/ (дата обращения 01.11.2017).

13. Чернышов Б. А., Кандыбович С. Л. Психологические особенности борьбы лидерских потенциалов на примере конфликта Турции и России // Человеческий потенциал. 2016. № 2. С. 12–14.

14. Чмырева В.А. Американский фактор в российско-турецких отношениях на Ближнем Востоке // Politbook. 2017. № 1. С. 88–114.

15. Davutoğlu A. Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 2001. S. 584 = Давутоглу А. Стратегическая глубина: международное положение Турции. Стамбул, 2001. 584 с. (на тур.яз.).

References

1. Avatkov V.A. (2017) *Kontury global'nyh transformacij,* vol. 10, no. 2, pp. 180–193 [in Rus].

2. Bdoyan D.G. (2017) Transformaciya rossijsko-tureckih otnoshenij v usloviyah bor'by Turcii za regional'noe liderstvo (2002–2017 gg.). Thesis. Moscow, 215 p. [in Rus].

3. Bibikova O.P. (2016) *Mezhdunarodnaya analitika,* no. 2, pp. 13-26 [in Rus].

4. Vasil'ev M.V. (2016) *Nauchnyj al'manah,* no. 7-2, pp. 137-141 [in Rus].

5. Grachev S.I., Harlamov A.A. (2017) *Obshchestvo*: *politika, ehkonomika, pravo,* no. 3, pp. 27–30 [in Rus].

6. Evseev V.V., Haritonova D.V. (2016) *Obozrevatel' – Observer,* no. 2, pp. 25–40 [in Rus].

7. Malysheva D.B. (2017) *Kontury global'nyh transformacij*, vol. 10, no. 2, pp. 167–180 [in Rus].

8. Miheeva N.M. (2016) *Vestnik MGIMO,* no. 2, pp. 91–100 [in Rus].

9. Nadein-Raevskij V.A. Zachem Rossii «druzhba» i «bratstvo» s Turciej?, available at: https://regnum.ru/news/2074091.html (accessed 01.11.2017) [in Rus].

10. Rudyh A.S., Guteneva P.A. (2016) Ehkonomicheskie posledstviya konflikta Rossii i Turcii // Materialy nauchnoj konferencii. Kursk, 29 aprelya 2016 g. Kursk, ROSI, pp. 77–81 [in Rus].

11. Svaranc A.A. (2002) Pantyurkizm v geostrategii Turcii na Kavkaze. Moscow, Gumanitarij, 600 p. [in Rus].

12. Svistunova I.A. Rossiya i Turciya: Holodnaya vojna 2.0.? Available at: https://riss.ru/analitycs/23761/ (accessed 01.11.2017) [in Rus].

13. CHernyshov B.A., Kandybovich S.L. (2016) *Chelovecheskij potencial,* no. 2, pp. 12–14 [in Rus].

14. CHmyreva V.A. (2017) *Politbook,* no. 1, pp. 88–114 [in Rus].

15. Davutoğlu A. (2001) Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul, 584 p. [in Turk].

For citing: Vasilyeva S.A. Causes of modern Russian-Turkish conflict // Socium i vlast. 2018. № 1 (69). P. 40–46.

UDC 327.5

CAUSES OF MODERN RUSSIAN-TURKISH CONFLICT

Vasilyeva Svetlana Anatolyevna,
Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department Chair of Foreign Studies, Politology and Oriental Philosophy,
Cand. Sc. (Political Sciences).
Russian Federation, 454000, Chelyabinsk, Prospekt Pobedy, d. 162v
E-mail: evrasia-site@mail.ru

Annotation
It is two years since the beginning of the most serious conflict between Russia and Turkey in modern history. The parties to a conflict could come to an agreement and went to settling the conflict which is the object of the study. The article points out and characterizes the external and internal causes moving Turkey to start the conflict, from regional geopolitical interests of Ankara and Syrian refugees to Kurdish problems and prospects of Constitutional changes. Besides, the author assesses the purposes set by Turkish authorities and the degree of their realization.

Key concepts:
Russian-Turkish relations,
Russian-Turkish conflict,
geopolitical interests,
war in Syria,
Syrian refugees.